

## **Сельцо Даровое в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского<sup>1</sup>**

Сельцо «Даровое», Каширского уезда, Достоевской волости, отстоит от г. Москвы в 150 вер., от г. Каширы в 40 верст., а от г. Зарайска в 11 в.; от последнего путь туда ведет по Веневскому тракту; в 10 верстах от Зарайска у деревянной полевой часовни дорога с большака ведет на запад; за полем, на берегу небольшого оврага, поросшего мелким смешанным леском, разбросана бедная деревушка дворов в 35–40 с шершавыми соломенными крышами и покривившимися ставнями.

Почти вплотную через небольшой фруктовый сад<sup>2</sup> к деревне примыкает маленькая усадьба, когда-то принадлежавшая отцу Ф. М. Достоевского Михаилу Андреевичу, штаб-лекарю Московской Мариинской больницы,<sup>3</sup> – теперь она принадлежит родной племяннице писателя уже древней 70-летней старухе, Марии Александровне Ивановой.<sup>4</sup>

Здесь все старо, мизерно и бедно: на небольшом клочке земли в 1/2 десятины расположен небольшой домик в 4 комнаты,<sup>5</sup> *когда-то*<sup>6</sup> окрашенный в темно-коричневую, теперь слинявшую, краску, с синими ставнями: к домику приделана покривившаяся, стонущая под ногами, веранда, выходящая в сад.<sup>7</sup> С севера к усадьбе примыкает старая липовая роща<sup>8</sup> и небольшой березовый лесок.<sup>9</sup>

По небольшому гумну разбросаны старые, крепостной постройки, каменные сараи, погреба и омшаники.<sup>10</sup> От проезжей дороги и деревни усадьба отделена высокой стройной стеной серебристых тополей. За липовой рощей и тополями в усадьбе тихо и уютно, и старый полинявший домик как бы на веки задремал под их могучими ветвями.

Под ворчание старого пса<sup>11</sup> долго проходишь около старого домика и не скоро достучишься до живой души. Под кисейными занавесками запыленных окон не волнуются, не ждут и не скоро на усердный стук скрипнут двери старушечьего приюта.

Этот маленький полинявший домик с покосившейся террасой весьма похож на один из тех мелкопоместных домиков захудалого барина-однодворца, описание которых так часто можно встретить у Тургенева<sup>12</sup> и которые являются теперь величайшей бытовой редкостью.<sup>13</sup>

Окна домика постоянно завешаны старыми кисейными занавесками: за ними тишина и музейный покой. Парадная дверь давно не открывается; на усердное стучание, наконец, отвечает хриплый лай старой болонки и чьи-то неторопливые шаги.

В гостиной вас встречает хозяйка, древняя дряхлая старуха, одетая в старинное линялое зеленое платье с кружевным воротником, с седыми завитыми пережженными<sup>14</sup> буклями: это и есть племянница Ф. М. Достоевского М. А. Иванова.

Низенькая с темными обоями гостиная, увешанная фотографическими портретами родни Достоевских и Ивановых, заставляет переживать что-то далекое, отошедшее.<sup>15</sup> Мария Александровна уже еле ходит, но память ее свежа; она рассказывает много и охотно интересного о жизни Ф. М. Достоевского.<sup>16</sup> Даровое<sup>17</sup> вместе с деревнями Чермашня и Моногарово в нач<sup>але</sup> XIX в. принадлежало некоему Хотяйнцеву:<sup>18</sup> в нем было 128 десятин пахотной и 25 десятин леса. В 1831 году Даровое было куплено у Хотяйнцева<sup>19</sup> Мих<sup>аилом</sup> Андр<sup>еевичем</sup> Достоевским, отцом тогда еще 10-летнего мальчика, будущего знаменитого

мыслителя и художника, Фед<ора> Мих<айловича> Достоевского. Старевший Мих<айл> Андр<еевич>, предвидя скорую необходимость бросить службу, вероятно<,> нуждался в собственном покойном углу, вместе с тем деревня годилась и для многочисленной семьи Михаила Андреевича, ежегодно выезжавшей туда на дачу.<sup>20</sup> Для 10-летнего мальчика, воспитывавшегося в кругу суровой старозаветной семьи, где постоянно чувствовалась тяжелая рука отца,<sup>21</sup> выезд в деревню был праздником.

С ранней весны в Москву за семьей Достоевского выезжали Даровские возки, под предводительством Семена Широкого<,> и несколько суток подряд тащились до деревни.<sup>22</sup>

Андр<ей> Мих<айлович> Достоевский, брат писателя, оставил нам воспоминания об этих путешествиях: они рисуют нам живого впечатлительного Федю Достоевского, не сидевшего на облучке, слезавшего к лошадям, к крестьянам, пахавшим у дороги, с которыми он любил заговаривать.<sup>23</sup> С детьми ездила мать,<sup>24</sup> в Даровом жили они в маленьком домике о трех комнатах, стоявшем в липовой роще<sup>1\*</sup>, примыкавшей к березовому лесу, который назывался Брыково.<sup>25</sup> Местность изрыта оврагами; самый глубокий из них носил название Лоск. Маленький Достоевский очень любил этот лес, так что в семействе Достоевских его начали называть «Фединой рощей».<sup>26</sup>

Здесь Достоевский проводил целые дни в играх со своим братом и деревенскими мальчиками; играли они в «диких», раскрашивали себя красками, из листьев делали головные и поясные уборы и, вооруженные луками и палками, производили набег на Брыково. Если была игра в Робинзона, то его роль всегда исполнял Ф<едор> М<ихайлович>, а Пятницей был Андр<ей> Мих<айлович>, брат его.

За рощей на старом кладбище стояла старая часовня: дети не раз забирались туда, снимали с полок черные иконы со строгими ликами и устраивали импровизированные крестные ходы.<sup>27</sup> Часовни этой нет давно, а от «Фединой рощи» остались несколько десятков берез.<sup>28</sup>

«Все крестьяне, – говорит в своих “Воспоминаниях” А<ндрей> М<ихайлович>, – любили нас очень, в особенности брата Федора. Он, по своему живому характеру <,> брался за все: то попросит водить лошадь с бороной, то погонять лошадь, идущую в сохе и т.п. Любил он также вступать в разговор с крестьянами, но верхом удовольствия его было исполнить какое-либо поручение, или сделать одолжение и быть чем-нибудь полезным. Я помню, что одна крестьянка, вышедшая в поле жать, вместе с маленьким ребенком в люльке, пролила жбан воды, и бедного ребенка нечем было напоить. Брат сейчас же взял жбанчик, сбегал в деревню версты за полторы за водой и принес, к радости матери, полный жбан воды».<sup>29</sup>

Потом, в годы своей ссылки, в Сибири Д<остоевский> часто вспоминал свое детство, время, проведенное в деревне, случаи из деревенской жизни. Ему было 9 лет; в холодный августовский день он спустился в овраг Лоск; ему почудилось, что кто-то кричит: «волк». Испугавшись, он бросился бежать на поляну, где пахал Марей, их крепостной крестьянин; тот нежно и ласково успокоил его. После возвращения из Сибири, Ф<едор> М<ихайлович> вспоминал этот случай со всеми подробностями. (Дневник писателя, 1876 г., февраль). Вспоминал лес, относительно которого он писал: «И ничего в жизни я так не любил, как лес с его грибами и дикими ягодами, с его букашками и птичками, ежиками и белками, с его столь любимым мною запахом перепрелых листьев. И теперь, даже, когда я пишу это, мне так и

---

\* Этот дом не сохранился; существующий же построен позднее; в нем только бывал Ф<едор> М<ихайлович>; значительная часть обстановки принадлежала писателю. *Примеч. автора.*

послышался запах нашего деревенского березняка: впечатления эти остаются на всю жизнь»<sup>30</sup> (Полное собр. соч. т. XXII, стр. 54. Изд. «Просвещение»).

В одном месте Достоевский прямо говорит: «Это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю жизнь, где все полно для меня самыми дорогими воспоминаниями».<sup>31</sup> Можно и теперь узнать места и уголки Дарового, отраженные в «Дневнике писателя». Городской житель по преимуществу и бытописатель города<,><sup>32</sup> Достоевский впервые увидел деревню в Даровой<sup>33</sup> и в ней получил, по его свидетельству, самые сильные впечатления, впоследствии послужившие основными для его творчества там, где оно касалось народных мотивов.

В романе Достоевского «Братья Карамазовы» часто мелькают Даровские картинки и типы: там фигурирует Чермашня, в которую посылает Ивана Федор Павлович Карамазов. Чермашня отстоит от Дарового в 2-х верстах и также принадлежала Мих<аилу> Андр<еевичу> Достоевскому, послужившему до некоторой степени прототипом Федора Павловича Карамазова; в Чермашне был скотный двор, баня и колодезь,<sup>34</sup> туда ездили ежедневно из усадьбы с бочкой за водой, и особенно охотно увязывался туда с работником маленький Федя Достоевский.

Связанный<sup>35</sup> с Карамазовской Чермашней образ старика Карамазова заставляет нас вспомнить отца писателя Мих<аила> Андр<еевича> в пору его жизни в Даровой,<sup>36</sup> где он безвыездно жил после того, как покинул службу в Мариинской больнице. Тяжелый в семье, Мих<аил> Андр<еевич> был суровым крепостником по отношению к крестьянам: не даром старики до сих пор не забыли его ужасных экзекуций;<sup>37</sup> эта память невольно затемняет у них славу его сына, искупившего каторгой вину своего отца.\* Мих<аил> Андр<еевич> и пал жертвой своего ужасного режима. В 1839 году осенью между Даровой и Чермашней на меже у дуба, уцелевшего по сие время, Мих<аил> Андр<еевич> был задушен Чермашенскими мужиками подушкой от экипажа.<sup>38</sup>

Вернемся к «Братьям Карамазовым». Нам удалось установить, что прототипом Елизаветы Смердящей послужила Даровская «Аграфена дурочка», которую в детстве наблюдал Ф. М. Достоевский<sup>39</sup> и которая произвела на него неотразимое впечатление: она не говорила или вернее говорила только несколько непонятных странных слов, ходила и зимой и летом в одной рубашке и ночевала на кладбище.<sup>40</sup> Эти юродивые женщины, весьма почитавшиеся, а иногда и служащие забавой деревенскому люду, были частым бытовым явлением того времени.

Отца Ф. М. Достоевского и Аграфену-дурочку прекрасно помнят и сейчас в Даровой и Чермашне местные старики, а на «двориках» на большаке высокий кряжистый старик Иван расскажет вам много интересного.<sup>41</sup>

Деревня Даровое и Чермашня всю жизнь вызывают любовь и заботу Ф.М. Достоевского; не даром в переписке со своей сестрой Верой Михайловной Ивановой – матерью теперешней владелицы, а главным образом, в переписке с ее старшей дочерью Софьей Александровной, он часто переносился мыслью в Даровое и упорно просил их беречь этот уголок и не продавать его. Вера Михайловна, четвертая дочь Мих<аила> Андр<еевича>, по смерти отца

---

\* В 1849 г. в квартире литератора Барташевича-Петрашевского собиралась молодежь, увлекавшаяся идеями утописта-социалиста Фурье; здесь же велись разговоры о необходимости освобождения крестьян, судебной реформе и пр. Достоевский был привлечен по делу Петрашевцев, предан суду и приговорен к смертной казни, и в тот момент, когда был уже возведен на эшафот, был помилован и вместе с другими сослан на каторгу. Его произведение «Записки из мертвого дома» отражают каторгу. *Примеч. автора.*

купила усадьбу у своих братьев и сестер и поселилась здесь;<sup>42</sup> она жила в Даровой постоянно после смерти своего мужа Александра Пав<ловича> Иванова, известного в свое время московского врача и большого друга Ф. М. Достоевского.<sup>43</sup>

Воспоминания детства заставили Ф<едора> М<ихайловича> не раз посетить Даровое; одно из этих путешествий известно нам по воспоминаниям А. Г. Достоевской,<sup>44</sup> жены Ф<едора> М<ихайловича> (рожд. Сниткиной)\*. «В виду того, – говорит А<нна> Г<ригорьевна>, – что летом 1877 г. Ф<едор> М<ихайлович> чувствовал себя вполне здоровым, я уговорила его на обратном пути из Петербурга в Мирополье остановиться в Москве, и оттуда съездить<sup>45</sup> в Даровое. Ф<едор> М<ихайлович> так и сделал и прожил у своей сестры В. М. Ивановой двое суток. Родные его рассказывали мне потом, что в свой приезд муж мой посетил самые различные места в парке и окрестностях, дорогие ему по воспоминаниям и даже сходил пешком версты 2 от усадьбы в любимую им рощу Чермашню, именем которой он потом назвал рощу в романе “Братья Карамазовы”. Заходил Ф<едор> М<ихайлович> и в избы мужиков, своих сверстников, из которых многих он помнил.

Старики и старухи и сверстники, помнившие его с детства, радостно его приветствовали, зазывали в избы и угощали чаем. Поездка в Даровое оживила массу впечатлений<,> о которых муж по приезде передавал нам с большим оживлением. Он обещал своим детям непременно поехать с ними в Даровое, с целью показать все свои любимые места в парке. Исполняя это желание мужа показать детям места, где он провел свое детство, я в 1884 году поехала с детьми в Даровое и мы, по указанию его родных, побывали везде, где в последний раз ходил Ф<едор> М<ихайлович>».

По смерти Веры Мих<айловны>, похороненной на деревенском кладбище сельца Дарового за «Фединой» рощей, имение перешло ныне здравствующей дочери ее Марии Александр<овне>, которая со времени революции живет в Даровом безвыездно.<sup>46</sup>

Старушка была бережлива, она хранила всякий пустяк и каждую вещицу в доме и хозяйстве; как зеницу берегла она липовую рощу и березовый лесок, сберегла старый стол, за которым когда-то обедала семья Достоевских, уберегла и книжный шкаф для ученических тетрадей и книг детей Мих<аила> Андр<еевича>.<sup>47</sup>

Теперь там стоят солидные тома полного собрания сочинений Ф<едора> М<ихайловича>. Старый полинявший домик, построенный Мих<аилом> Андр<еевичем>, производит впечатление, неразрывно связывающее с Достоевским: на стене полутемной гостиной, застеленной<sup>48</sup> коврами, висят его портреты, вероятно, еще неизвестные истории.<sup>49</sup> Диван, на который вас усаживает Мария Александровна, тот самый, на котором в Люблине на даче спал писатель в пору создания «Преступления и наказания»; его из Люблина перевезли в Даровое и он стоит там по сие время.

Когда бываешь в Даровой, не утерпишь, чтобы не зайти в Чермашню; это такая же бедная, как и Даровое деревушка. В одной из закопченных изб находится школа, в которой учительствует родная сестра Ивановой, тоже племянница Достоевского, О. А. Иванова.<sup>50</sup>

Чермашня и Даровое – это погибающий музей Ф. М. Достоевского; всеми брошенный и оставленный<sup>51</sup>: домик разрушается, в усадьбе грязь и разоренье.<sup>52</sup> Мы всегда плохо хранили память своих великих соотечественников; кажется<,> мы особенно небрежно относимся к памяти Достоевского. Будет невознаградимой потерей гибель этого деревенского памятника

---

\* Красная Нива 9, 1925. «Новое о Достоевском». *Примеч. автора.*

Достоевскому, находящегося в русской крестьянской глуши, среди степей Тульской и Рязанской равнины.

---

<sup>1</sup> Печатается по первой публикации: *Перлов, И. П.* Сельцо Даровое в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // По Тульскому краю. Тула, 1925. С. 521 – 527.

<sup>2</sup> Усадебный фруктовый сад, состоявший из примерно 650 корней разных сортов яблонь и других плодовых деревьев и кустарников, был единственным объектом в Даровом, способным приносить гарантированный доход (см.: ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. 2504. Л. 12– 13 об.; «Акт обследования сада при усадьбе имени Ф. М. Достоевского при с. Даровое Достоевской волости Каширского уезда Московской губернии» от 25 февраля 1929 г.). Сад стал причиной острейшего конфликта М. А. Ивановой с местными крестьянами, в который вскоре оказались вовлечены все местные власти, а также музейные организации разных уровней (от Зарайского краевого музея и до Музейного отдела Главнауки Наркомпроса). Итогом конфликта стала безоговорочная победа крестьян, остановка и отмена музеефикационных мероприятий, передача территории усадьбы созданному даровскими крестьянами Колхозу им. Достоевского. Подробнее о ходе конфликта см.: Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому. С. 183–228.

<sup>3</sup> М. А. Достоевский в марте 1837 г. отказался от должности старшего врача и до отставки 1 июля того же года служил младшим лекарем Московской Мариинской больницы для бедных. *Штаб-лекарь* в XIX не медицинская должность, а медицинская ученая степень II ступени (следующая за присваиваемой выпускникам медицинских факультетов степени лекаря, но более низкая, чем степень доктора медицины). Для получения 2-го ученого медицинского звания следовало прослужить по Медицинскому ведомству 4 года (выпускникам 1 отделения) или 5 лет (выпускникам 2 отделения) и представить в ближайшую Медико-хирургическую академию или университет «...достойное внимания собственное врачебное наблюдение, или рассуждение по части врачебных или вспомогательных наук, или же медико-топографическое описание какой-либо страны» (Приложения к Продолжению Свода Уставов Врачебных // Свод законов Российской империи. 1839. Т. XIII. Ч. II. Ст. 17).

<sup>4</sup> И. П. Перлов регулярно несколько занижал возраст М. А. Ивановой, даже в официальных документах, в отличие от ее гонителей из крестьян, наоборот, немного завывавших ее возраст. См.: Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому // А. П., Ф. Д. и В. В. С. 200, 205, 216. Летом 1925 г., когда создавался текст статьи, М. А. Ивановой было 74 года.

<sup>5</sup> В 1831 – 33 гг. М. А. Достоевский приобрел более 500 десятин земли. После реформы 1861 г. и особенно – после отмены прав собственности «Декретом о земле» 1918 г., владение Ивановых скукожилось до 10 десятин, занимаемых домом и хозяйственными постройками, а также огородом, парком и садом. Ср. из прошения о национализации имени, написанного М. А. Ивановой в 2 мая 1923 г.: «Прошу <...>, чтобы усадьба при д. Даровая, принадлежавшая писателю Ф. М. Достоевскому, в которой он провел свое детство и часть отрочества и которую в зрелом возрасте навещал и очень любил, была национализирована вместе с садом, парком и огородом (всего в количестве десяти десятин) и передана мне на хранение...» (Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому. С. 190). И. П. Перлов ошибочно принял за площадь дома площадь земельного надела, выделенного М. А. Ивановой крестьянами Дарового на общегражданских основаниях: «...я всю жизнь жила собственным трудом – учительницей музыки, сбережений никаких не имею и пользуюсь крестьянским наделом только на себя лично (половина десятины)» (Там же. С. 191).

<sup>6</sup> Выделено И. П. Перловым.

<sup>7</sup> В 1920-х гг. верандой практически не пользовались, вход в дом осуществлялся через несохранившуюся до нашего времени хозяйственную часть. Ср. из письма О. А. Ивановой В. С. Нечаевой от 21 февраля 1927 г.: «На зиму дверь на террасу забивается листьями из рощи, мякиной и соломой. Если граждане откроют эту дверь, то дом будет вдвое холоднее» (РО РГБ. Ф. 792. К. 16. 75. Л. 2 об.)

<sup>8</sup> *Липовая роща* – липняк, предположительно, в 1730–1750-е гг. окультуренный помещиками Хотяинцевыми в английский парк, самый ценный мемориальный объект из сохранившихся на территории усадьбы (*Воронкина, Л. А.* Уникальный памятник русской природы // Летние чтения в Даровом. Коломна, 2006. С. 124 – 125). Во многом благодаря Липовой роще Даровое в 1920-х г. было признано охраняемой государством

---

территорией и включено в список садов и парков РСФСР (см.: ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. 2345. Л. 13; «Список художественно-исторических садов и парков Московской губернии, признанных неприкосновенными памятниками природы и подлежащими охране музейного подотдела МОНО и Главнауки»).

<sup>9</sup> Ср.: «Лесок Брыково с самого начала очень полюбился брату Феде, так что впоследствии в семействе нашем он назывался Фединою рощею» (*Достоевский, А. М.* Указ. соч. С. 56). Согласно дендрологическим исследованиям, проведенным в 2005–2009 гг., уничтожение березовой «Фединой рощи» датируется 1920 – 30-ми годами, то есть произведено оно было уже в послереволюционную эпоху и не было вызвано хозяйственной деятельностью Ивановых.

<sup>10</sup> Возраст хозяйственных построек, вероятно, завышен и не учитывает как перестройки дома 1887 г., так и вообще активную хозяйственную деятельность Ивановых в своем поместье в 1890 – 1923 гг. Ср.: из воспоминания М. Герасимовой, записанного во 2-й пол. 1920-х гг.: «Сестры Ивановы, хозяйничавшие в своем имении, никак не могли ужиться вместе. Поэтому, хоть все именье-то их было очень маленькое и бедное, но каждая из сестер вела отдельное хозяйство и построила себе отдельный домик» (*Волоцкой, М. В.* Хроника рода Достоевского: 1506 – 1933. М., 1933. С. 244) или из письма Н. А. Ивановой к О. А. Ивановой: «Плюнь ты на твое хозяйство, оно выеденного яйца не стоит. Неужели ты до сих пор не убедилась, что ни огород, ни птица, ни сад, даже пчелы не приносят и никогда не принесут ни малейшего дохода, что заработаем на стороне, то только и есть» (Там же. С. 245).

<sup>11</sup> Собака М. А. Ивановой, Дружок. Ср. из ее письма О. А. Ивановой от конца февраля 1927 г.: «...купи <...> Дружку печенки, он умирает с голода». (ОР РГБ. Ф. 792. К. 16. 76. Л. 1 об.) Это письмо В. С. Нечаева ошибочно приписала Юлии Александровне Ивановой, к моменту написания уже умершей.

<sup>12</sup> В оригинале здесь стоит запятая.

<sup>13</sup> Ср., напр., повесть И. С. Тургенева «Однодворец Овсянников» из цикла «Записки охотника». Однодворцы образовывали промежуточное сословие (ликвидировано в 1866 г.) и не были ни дворянами, ни крестьянами. Произошли от военных, поселившихся и начавших возделывать земли на рубежах российского государства. Подобно дворянам, обладали почти полноценным правом собственности на землю (не могли продавать землю дворянам, только внутри своего сословия), правом покупки крепостных; подобно крестьянам платили подушевую подать и четырехгривенный оброк государству. Согласно межевым планам конца XVIII – первой половины XIX в., в Даровом имелось одно однодворческое владение.

<sup>14</sup> В оригинале – «пережжонными».

<sup>15</sup> Ср.: «Висевшие на стенах пожелтевшие и выцветшие фотографии, главным образом родственников, не вызвали особого моего “музейного” интереса – все они уже были у меня пересняты и находились в хорошем состоянии» (*Нечаева, В. С.* Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 6. Л., 1985. С. 292).

<sup>16</sup> Ср.: «...она охотно и живо беседовала <...>. О гениальном дяде она говорила без особого пиетета и даже мимоходом бросила шутивную фразу: “Достоевского студенты выдумали”» (*Нечаева, В. С.* Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского. С. 292)

<sup>17</sup> В оригинале – «Даровая».

<sup>18</sup> Даровое, Черемошня, Моногарово и значительный ряд окрестных (и не только окрестных) земель принадлежал старинному, восходящему ко 2-й половине XIV века русскому дворянскому роду Хотяинцевых. Хотяинцевы были записаны в VI часть родословных книг Рязанской и Тамбовской губерний. Селились на юге Московской (исторический Коломенский удел), а также в Рязанской, Тульской и Тамбовской губерниях.

<sup>19</sup> Даровое куплено М. Ф. Достоевской у помещицы О. А. Глаголевой, которая, в свою очередь, купила его у И. П. Хотяинцева.

<sup>20</sup> Вряд ли М. А. Достоевский, который успешно служил и мог продвигаться по служебной лестнице далее, собирался в 1831 г. выходить в отставку и перебираться на постоянное жительство в довольно глухую деревню. Он осуществил переезд лишь в 1837 г., находясь в депрессии, вызванной смертью жены. В 1828 г. М. А. Достоевским было возвращено роду потомственное дворянство. Покупка Дарового, при том что правом владеть

---

землей обладали исключительно дворяне, сигнализировала о восстановлении дворянского статуса.

<sup>21</sup> Жестокость отца – постоянный мотив достоевистики 1920-х гг., восходящий к мемуарной книге Л. Ф. Достоевской. Единственным исследователем, в те годы весьма убедительно критиковавшим стандартную версию был профессор Университета Хельсинки О. фон Шульц. См., напр.: *Шульц, О. фон. Светлый, жизнерадостный Достоевский*. Петрозаводск, 1999. С. 56–67 (оригинал – 1931 г.).

<sup>22</sup> Ср.: «Это путешествие наше, равно как и все последующие, совершались каждый раз в течение двух суток с лишком. Каждые 30–35 верст мы останавливались на отдых и кормежку лошадей, а проехавши две станции, останавливались на ночлег. Вспоминаю станции: Люберцы, Чулково, Бронницы, Ульянино, Коломна, Злобино и Зарайск. От Зарайска наше имение находилось только в 10 верстах. Впрочем, Семен Широкий останавливался на кормежку лошадей не во всех поименованных станциях, а строго наблюдал, чтобы всякий переезд был не менее 30 или 35 верст» (*Достоевский, А. М. Указ. соч. С. 55*).

<sup>23</sup> Ср.: «Но вот, наконец, на третий день мы приближались к нашей деревне. За Зарайском мы едва-едва сидели на месте, беспрестанно выглядывая из кибитки и спрашивая у Семена Широкого, скоро ли приедем. Наконец мы своротили с большой дороги и поехали по проселку и через несколько минут были в своем Даровом» (*Достоевский, А. М. Указ. соч. С. 55*).

<sup>24</sup> Не обязательно. Так, в августе 1834 г. Достоевские Федор и Михаил возвращались с Семеном Широким, М. Ф. Достоевская вернулась в Москву позже. В 1835 г. Михаил и Федор приехали в Даровое вместе с отцом в начале июля, вернулись из Дарового в Москву с Семеном Широким.

<sup>25</sup> См. сноску 9.

<sup>26</sup> Ошибка И. П. Перлова. Лоском называли не усадьбную березовую рощу, а овраг, отделявший усадьбу от «веневского тракта».

<sup>27</sup> И. П. Перлов следует тексту «Воспоминаний» А. М. Достоевского (*Достоевский, А. М. Указ. соч. С. 55–59*).

<sup>28</sup> Брыков лес и «Федина роща» – разные названия одного объекта.

<sup>29</sup> И. П. Перлов довольно близко, но, вероятно, по памяти передает текст А. М. Достоевского (*Достоевский, А. М. Указ. соч. С. 59*).

<sup>30</sup> Цитата из «Дневника писателя» («Мужик Марей»).

<sup>31</sup> Цитата из «Дневника писателя» за июль–август 1877 г. (Глава первая, «I. Разговор мой с одним московским знакомым. Заметка по поводу новой книжки»).

<sup>32</sup> В 1920-х гг. выработалось сохраняющееся до сих пор представление о Ф. М. Достоевском как горожанине и «городском писателе». Ср.: *Переверзев, В. Ф. Творчество Достоевского: Критический очерк*. М., 1912. Ср. также из доклада «Быт семьи штаб-лекаря Достоевского (по неизданным материалам)» 1928 г. его коллеги и ученицы, В. С. Нечаевой: «Мировоззрение, усвоенное Достоевским в московском доме, при переезде в Петербург было быстро поколеблено. Петербург <18>40-х годов с его быстро растущей промышленностью и мощной демократической интеллигенцией новой “буржуазной” формации оказал решительное влияние на его дальнейшее развитие» (*Прохоров, Г. С. От Дарового к Божедомке. Как «растаял» первый музей Достоевского: (По материалам Государственной академии художественных наук) // Вестник Коломенского государственного педагогического института*. Коломна, 2009. № 2(8). С. 126).

<sup>33</sup> В оригинале здесь стоит запятая.

<sup>34</sup> И. П. Перлов пересказывает «Воспоминания» А. М. Достоевского (Указ. соч. С. 60). В Черемошне, судя по исповедным росписям, была полноценная усадьба, с господским домом и дворовыми.

<sup>35</sup> В оригинале – «связанный».

<sup>36</sup> Представление восходит к утверждению Л. Ф. Достоевской («Мне всегда казалось, что Достоевский,

---

создавая образ старика Карамазова, думал о своем отце»; *Достоевская, Л. Ф.* Указ. соч. С. 39).

<sup>37</sup> Описание экзекуций см. в фольклорных записях В. С. Нечаевой и Д. Стонова, публикуемых ниже. Удивительно, что крестьяне напрочь забыли историю восстановления Дарового после пожара 1832 г.: «Григория отправили назад с обещанием от родителей, что они последнюю рубашку свою поделят с крестьянами. Это, помню, были слова папеньки, которые он несколько раз повторял Григорию, велев передать их крестьянам» (*Достоевский, А. М.* Указ. соч. С. 61 – 62).

<sup>38</sup> И. П. Перлов следует версии, изложенной Л. Ф. Достоевской. (*Достоевская, Л. Ф.* Указ. соч. С. 39.)

<sup>39</sup> В оригинале здесь стоит запятая.

<sup>40</sup> И. П. Перлов, передавая нарратив об Аграфене-дурочке, абсолютно точно воспроизводит локальную традицию Дарового, прослеживаемую по настоящее время.

<sup>41</sup> Ср. из воспоминаний К. П. Романцовой, жительницы Дарового: «Мы жили за Даровой, на большаке. Нас три дома всего было. Дед откупился от господ. И нас три дома было. Все родные. Брат родной и двоюродный. Потом, когда в колхоз стали входить, на работу далеко ходить и скотину отправлять. Был один домик. Плохой. <В> Даровой. Яво переделали. Нас сожгли» (Журнал фольклорно-этнографической экспедиции в Даровое за 2010 г. Л. 81 об.).

<sup>42</sup> После смерти М. Ф. Достоевской (1837) и М. А. Достоевского (1839) имение перешло в совместную собственность несовершеннолетних наследников (до их совершеннолетия был назначен опекун, в 1839–40 гг. – председатель Каширского уездного суда Н. П. Елагин, с декабря 1840 г. – Каширский уездный суд назначил соопекунами М. М. Достоевского, старшего из братьев-наследников, и П. А. Карепина, мужа их сестры В. М. Достоевской). В 1846 г. из коллективной собственности была выделена доля, доставшаяся Вере М. Достоевской в качестве приданого. В 1852 г. ее муж А. П. Иванов (1813 – 1868) выкупил у совладельцев все права на имение.

<sup>43</sup> А. П. Иванов – действительный статский советник, врач при Константиновском межевом институте, умер в 1868 году. Ф. М. Достоевский поддерживал тесные отношения именно с семейством Ивановых. Ср. из его письма от 1 (13) января 1868 г. В.М. Ивановой (Достоевской): «А кто же милее и дороже мне (да и Анне Григорьевне, кроме своих), — как не вы и ваше семейство...»

<sup>44</sup> Ф. М. Достоевский не бывал в Даровом ни разу с 1836 г. по 1877 г. Тем не менее И. П. Перлов больше доверяет информации, полученной им от М. А. Ивановой, нежели биографии, восстановленной Л. П. Гроссманом. *Достоевская (Сниткина) Анна Григорьевна* (1846–1918) – с 1867 г. жена Ф. М. Достоевского, автор самых полных мемуаров о писателе.

<sup>45</sup> В оригинале – «с'ездить».

<sup>46</sup> Имение Даровое перешло в совместное владение всех детей В. М. Достоевской, однако на протяжении долгого времени в усадьбе проживала только Юлия Александровна. М. А. Иванова, как и ее сестры (Ольга Александровна и Наталья Александровна), вернулась в Даровое после революции, в 1918 г., когда была закрыта и расформирована женская гимназия С. Н. Фишер. К 1925 г. из сестер Ивановых в живых остались только М. А. и О. А. Ивановы, однако, государство признавало право проживать в мемориальном доме только за первой из них.

<sup>47</sup> Бережливость М. А. Ивановой была вынужденной – она жила в самой настоящей нищете, одалживая деньги порой даже у крестьян. Ср. из ее письма сестре Ольге Александровне: «Сретенские дали 10 р. из них я отдала Герасиму 4 р. за дрова 1 р. долг Марине на 5 р. купила 10 ф. муки, 4 ф. песку, дрожжей <нрзб> и пр. мелочей, сейчас ничего нет из муки пекут хлеб мука с водой, картошка без всего. <...>. Когда приедешь, то возьмем у Маруси деньги, но купи только 3 ф. клюквы, 1 ф. картоф. муки, дрожжей на 15 к., 3 ф. мака<рон?>, 1 ф. кореньев» (ОР РГБ. Ф. 792. К. 16. 76. Л. 1 об.). М. А. Иванова, действительно, защищала, как могла, усадьбу, сад и липовую рощу, понимая, что они, связанные с памятью Ф. М. Достоевского, составляют ее последнее достояние и последнюю защиту.

<sup>48</sup> В оригинале – «застеленой».

<sup>49</sup> Ср.: «Висевшие на стенах пожелтевшие и выцветшие фотографии, главным образом родственников, не вызвали особого моего “музейного” интереса – все они уже были у меня пересняты и находились в хорошем



---

состоянии» (Нечаева, В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 6. Л., 1985. С. 292).

<sup>50</sup> О. А. Иванова в 1920-е гг. работала учительницей в сельской школе в Черемошне. Вышла на пенсию не позднее конца 1926 г., после увольнения жила то в Коломне (в семье Михневичей – племянницы), то в Зарайске (в семье зарайского врача Сретенского, поддерживавшей Ивановых). См. письма О. А. Ивановой В. С. Нечаевой (ОР. РГБ. Ф. 792. К. 16. 75. Л. 3 об., 13, 14).

<sup>51</sup> В оригинале – «всеми брошенный и оставленный».

<sup>52</sup> Ср. из доноса А. И. Макарова в Музейный отдел МОНО на М. А. Иванову: «...гражданка Иванова <...> бесконтрольно пользуется фруктовым садом в 4½ десятины, не оплачивая никаких налогов за него <...>, совершенно забывая о какой бы то ни было охране и даже приведения в порядок площадки перед домом, которая очень часто бывает завалена мусором со скотного двора» (Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому. С. 217).